

О некоторых проблемах периодизации сербского средневекового зодчества. Термин «Моравская школа»

Светлана Мальцева

Статья посвящена истории изучения завершающего этапа сербской средневековой архитектуры, который принято называть «Моравской школой». Рассматриваются различные предлагавшиеся исследователями концепции. В качестве главных проблем, актуальных и по сей день, выделяются следующие: общая классификация сербского средневекового зодчества, определение основных тенденций и логики его развития, выявление региональной специфики сербской архитектуры XIV–XV веков, а также характера и степени ее обусловленности общими процессами в развитии византийской архитектуры Палеологовского периода.

Ключевые слова: сербская средневековая архитектура, архитектура Византии, периодизация сербского средневекового искусства, триконх, Моравская школа, моравская архитектура, историография сербской средневековой архитектуры.

В архитектуре средневековой Сербии, в соответствии с основными этапами становления и развития средневекового государства, принято выделять три «школы»: Рашскую (вторая половина XII – конец XIII в.), Сербско-византийскую (конец XIII – вторая половина XIV в.) и Моравскую (последняя четверть XIV в. – 1459 г.)¹. Эта условная схема, созданная на основе принципов западной искусствоведческой традиции начала XX века, сложилась раньше, чем была выявлена действительная картина развития архитектуры в Сербии со всей ее региональной спецификой. Тем не менее в соответствии с этой периодизацией работали многие поколения исследователей, которым приходилось вносить все новые и новые коррективы, что приводило ко все большей путанице в терминах и понятиях. Почти двухвековая история изучения сербской средневековой архитектуры показала необходимость поиска новых вариантов периодизации, которая в большей мере отражала бы важнейшие явления и процессы, раскрывая их содержание и логические связи².

Данная статья посвящена проблемам изучения заключительного периода сербского средневекового зодчества, за которым в современной науке закрепилось понятие «Моравская школа»³. К ней относят группу памятников сербского храмового зодчества второй половины XIV – первой половины XV века, расположенных, в основном, в бассейне рек За-

падная, Южная и Великая Морава на территории современной Сербии. В этот период на Моравские земли был перенесен центр государства Хребельяновичей, последних правителей независимой Сербии. Казалось, моравская архитектура легко обозрима и понятна благодаря четкости территориальных и временных границ, большому числу сохранившихся памятников, оригинальности их планов, объемно-пространственных композиций и характерным чертам разнообразного декора. Все эти особенности рано обратили на себя внимание исследователей, которые объединили моравские храмы понятием «школы». Однако по мере изучения памятников Моравской школы стало ясно, что все не так просто. Высказывались различные суждения об истоках и путях ее формирования, о хронологии и сущности процессов архитектурного развития, об их специфике и соотношении с византийской и западноевропейской средневековой архитектурой и пр. Сам термин неоднократно подвергался критике, вплоть до недавних предложений отказаться от его употребления. Как выясняется, вопрос о том, что же стоит за этим понятием, продолжает оставаться актуальным. Попробуем разобраться в этом путем последовательного разбора важнейших работ по данной теме.

* * *

Эпоха блистательного правления князя Лазаря Хребельяновича (1370-е – 1389) и его наследников была временем последнего и необычайно яркого культурно-политического расцвета сербского средневековья⁴. После утраты независимости в 1459 году она воспринималась как потерянный «золотой век» национальной истории. В XIX веке, в условиях освободительного движения и создания современного государства, «оживление» истории и идея возрождения Сербии в былом могуществе средневековой эпохи были важнейшими элементами формирования национального самосознания⁵. В этой романтической среде трудами историков, филологов, краеведов, ученых путешественников и увлеченных дилетантов были заложены основы изучения моравской архитектуры, созданы первые описания храмов, найдены и опубликованы важнейшие свидетельства письменных источников⁶.

С середины XIX века начинается более углубленное изучение памятников сербской средневековой архитектуры, издаются подробные их описания, чертежи и гравированные воспроизведения. В это время, в первую очередь, иностранными исследователями, которые переносят на эту почву свои методы и понятия, предпринимаются попытки классифицировать памятники и рассмотреть их в контексте европейской средневековой архитектуры. Одни ученые стремились искать на сербских территориях, находящихся в буквальном смысле между Востоком и Западом, подтверждения своим гипотезам о классификации романоготического искусства, другие не отделяли сербские памятники от византийских. Так, немецкий историк и теоретик искусства Ф. Мертенс,

специалист по западноевропейской средневековой архитектуре, в 1840-е годы, обследовав сербские памятники, разделил их на две группы, представляющие (по его мнению) два основных «стиля», или «школы» (эти понятия используются Мертенсом как равнозначные). К первой группе он отнес памятники эпохи правления Неманичей, причем в качестве признака, определяющего их специфику, он назвал западноевропейское влияние; во вторую группу он выделил памятники эпохи Моравской деспотовины, которые связал с византийской традицией⁷. Чуть позже австрийский архитектор и ученый Л. Ферстер⁸, обследовавший многие моравские храмы, более отчетливо выявил их связи с византийской традицией, хорошо ему известной по памятникам Греции⁹. Наиболее значительный вклад в исследование сербской средневековой архитектуры на этом этапе принадлежит немецкому балканисту Ф. Каницу, который в 1862 году издал первую в Европе монографию о сербской средневековой архитектуре, сопровождаемую чертежами и многочисленными иллюстрациями¹⁰. В последующих работах Ф. Каниц расширил круг рассматриваемых памятников, в том числе моравских; в изданной посмертно итоговой монографии рассматривалось уже 35 моравских церквей¹¹. Утверждая необходимость натурного исследования памятников, Ф. Каниц обратился к важнейшей проблеме, которая остается актуальной и по сей день – к специфике развития искусства на балканских землях, где византийская традиция соединяется с западноевропейской; черты западного влияния он видел, прежде всего, в декоре моравских церквей¹².

В целом исследователи XIX века, анализируя сербские средневековые памятники, как правило, ограничивались подробным описанием внешнего облика храмов и оценкой их художественных качеств. Ими были собраны письменные исторические свидетельства о времени и обстоятельствах возникновения храмов, зафиксированы сохранявшиеся еще на тот момент уникальные надписи, выполнены обмеры и фискационные чертежи, а главное – приняты экстренные меры по спасению древнего архитектурного наследия¹³. Однако до формирования целостной концепции истории сербской архитектуры было еще далеко. Первые попытки обобщений сводились к делению сербской архитектуры на две половины: одну связывали с романским влиянием, вторую, начиная с XIV века (куда автоматически попадала и моравская архитектура), – с византийским. Под этими влияниями понимали разные вещи, по-разному оценивали проявление и степень этих влияний. Такой подход надолго и сильно отдалил от понимания главного – содержания, специфики и механизмов сложения и развития сербской архитектуры как целостного явления.

Начало критического исследования сербской средневековой архитектуры приходится на последние десятилетия XIX века, когда уже был накоплен необходимый объем фактического материала, и сербские ученые начали применять современные европейские научные методы к ис-

следованию собственного архитектурного наследия. Здесь они впервые явственно столкнулись с проблемой четкой периодизации и определения ее логики: одни ставили вопросы о необходимости рассматривать сербскую средневековую архитектуру в виде нескольких этапов, обусловленных культурно-политическими факторами, другие говорили о смене стилей.

Из представителей этого нового поколения следует, прежде всего, назвать М. Валтровича. Этот исследователь получил архитектурное образование в Германии, но вошел в историю как организатор и руководитель систематического научного изучения памятников сербской средневековой архитектуры, скульптуры и живописи, а также как автор «Проекта о защите древностей», академик, член Императорских археологических обществ в Москве и Берлине, директор Народного музея в Белграде (с 1881 г.), один из основателей Сербского археологического общества (1883) и учредитель периодического издания «Старинар» (издается с 1884 г.)¹⁴. Вместе со своим соратником и другом, архитектором Д. Милутиновичем, в 1870–80-е годы он обследовал несколько десятков древних храмов, в том числе моравских¹⁵. Материалы, собранные в результате этих экспедиций, стали основой первой научной концепции истории сербского искусства, которая стремилась выявить внутреннюю логику развития древней сербской архитектуры как самобытного явления, во многом обусловленную идеологией и историко-культурным своеобразием государства Неманичей и Хребельяновичей¹⁶.

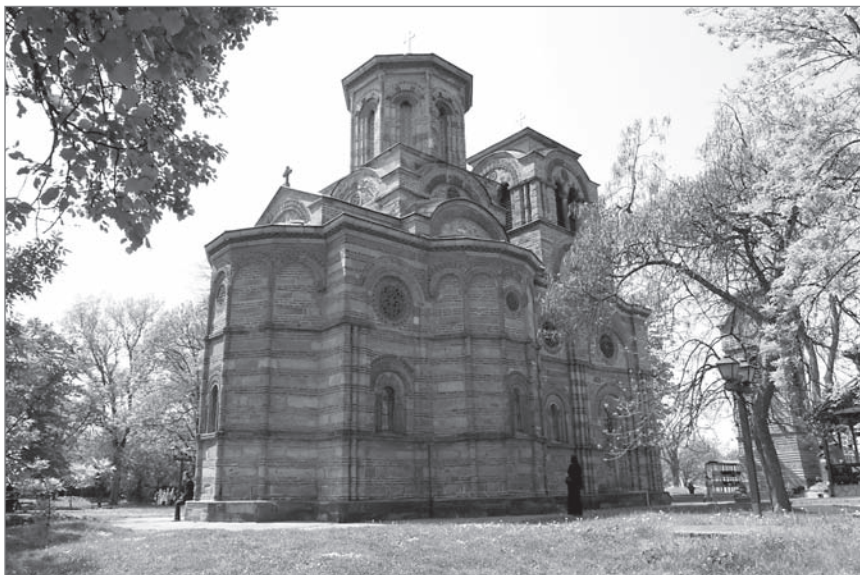
Средневековое зодчество Сербии было разделено М. Валтровичем на три периода: «приморский» (середина XII – конец XIII в.), «византийский» (начало – вторая половина XIV в.) и «моравский» (последняя четверть XIV в. – 1459 г.)¹⁷. К последнему периоду он отнес девять памятников в долине Моравы, созданные в эпоху князя Лазаря и деспота Стефана Лазаревича (Раваница, Лазарица, Любостынья, Ресава, Руденица, Наупара, Старая церковь на кладбище в Смедерево, Велуча и Каленич, близкие друг другу не только географически и хронологически, но и по ряду стилистических признаков, прежде всего – по плановой структуре и характеру декорации¹⁸. (Ил. 1, 2, 3, 4, 5, 6.) Происхождение этих особенностей автор предлагал искать на Афоне, а также и в самом сербском искусстве предшествующих периодов¹⁹. Д. Милутинович ошибочно предположил, что у истоков этой архитектурной традиции был один зодчий – Раде Борович, создатель более позднего храма в Любостынье (после 1389 – до 1393)²⁰, возможно происходивший из «Приморья» и близкий к Фра Вите из Котора – прославленному мастеру храма в Дечанах²¹. Тем самым Милутинович попытался обозначить и объяснить преемственность моравской архитектуры традициям более раннего сербского зодчества.

Таким образом, еще до реставрационного раскрытия большинства памятников М. Валтрович и Д. Милутинович впервые выделили памят-

Ил. 1. Церковь Вознесения монастыря Раваница. Последняя четверть XIV в. Фото автора

Ил. 2. Церковь Св. Стефана (Лазарица) в Крушевце. 70-е гг. XIV в. Фото автора

Ил. 3. Церковь Успения Богородицы монастыря Любостыня. Конец XIV в. Фото автора

Ил. 4. Церковь Св. Троицы монастыря Ресавя (Манасия). Первая четверть XV в. Фото автора

Ил. 5. Церковь Богородицы монастыря Наупара. Вторая половина XIV в. Фото автора

Ил. 6. Церковь Введения Богородицы монастыря (Каленич). Первая четверть XV в. Фото автора

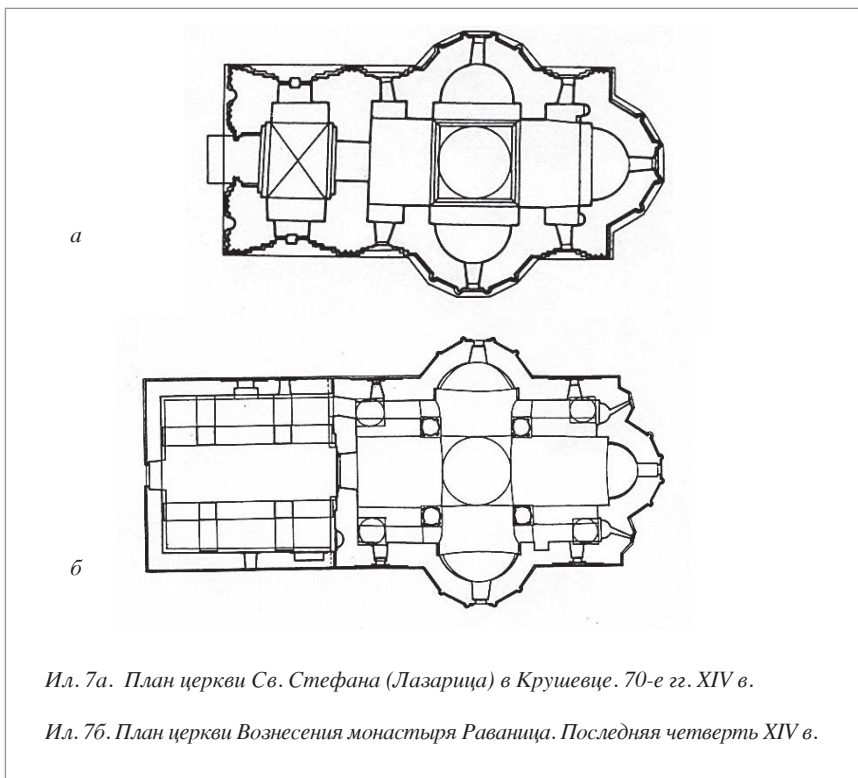
ники моравской архитектуры в единую стилевую группу с чертами региональной специфики, определяемые ими как «национальный стиль» (башнеобразные композиции, декор и, главное, особый тип плана – триконх), обусловленный работой конкретных мастеров. Продолжая разрабатывать проблему соотношения в этой традиции западных и византийских элементов, они впервые стали рассматривать развитие сербской архитектуры не как чередование иноземных влияний, а как единый процесс, разные этапы которого связаны между собой. Эти направления в изучении моравской архитектуры остаются актуальными и поныне. Концепцию Валтровича и Милутиновича можно было бы признать практически безукоризненной, если бы архитектура моравского периода действительно ограничивалась рассмотренными ими постройками²² и если бы намеченная ими линия изучения сербской архитектуры как единого процесса была продолжена и основательно аргументирована.

Вслед за Валтровичем и другие исследователи рассматривали моравскую архитектуру как отдельную группу памятников, объединенных рядом общих стилистических и типологических признаков. С одной стороны, возникали попытки расширить эту группу. Так А. Стеванович²³ в моравский период включил большее число памятников и впервые поставил вопрос о возможности более ранних датировок, чем время правления князя Лазаря. С другой стороны, появились и противоположные точки зрения. Так, П.П. Покрышкин предлагал более поздний вариант хронологии и рассматривал моравские постройки как результат деятельности одной артели, начавшей работу только на рубеже XIV–XV веков под руководством Раде Боровича и заимствовавшей трехконховый план из архитектуры Салоник (церковь пророка Илии). Моравские памятники Покрышкин определяет как византийский стиль с четко выраженными чертами национальной самобытности и сильно расширяет круг аналогий среди памятников поздневизантийской архитектуры (Эпир, Трапезунд, Тырново, Скопье)²⁴. Исследователь, мало искушенный в реалиях сербской истории той эпохи, ошибся с датировками, предположив неверный образец в качестве истока моравской архитектуры, но точка зрения Покрышкина о доминирующей роли византийской традиции в позднесредневековой архитектуре Сербии получила дальнейшее развитие в науке конца XX века.

В первой половине XX века восторжествовала другая концепция истории сербской архитектуры, созданная в начале столетия знаменитым французским византинистом Г. Милле и на многие десятилетия определившая развитие исследований в этой области. В Сербии Г. Милле известен, прежде всего, как автор официально принятой периодизации сербского средневекового зодчества²⁵. Обобщив и интерпретировав исследования предшественников в соответствии с передовыми на тот момент методами западноевропейского научного позитивизма, Г. Милле сформировал два основополагающих теоретических положения: во-

первых, возможность и необходимость строгой классификации и систематизации памятников, во-вторых, понимание процессов развития в архитектуре как эволюцию от простого к сложному. Согласно этим положениям, ученый предложил рассматривать сербское средневековое зодчество как последовательный ряд хронологически и территориально обособленных «школ»: Рашская, Сербско-византийская и Моравская. Следует отметить, что под термином «школа» в данном случае понимается группа памятников со сходными стилистическими и типологическими признаками; «стиль» и «школа» у Милле оказываются понятиями равнозначными. При этом первый, Рашский стиль, согласно концепции исследователя, сформировался при определяющей роли западноевропейского влияния, тогда как последний, Моравский, напротив, рассматривается им как результат слияния элементов византийской архитектуры греческих областей и собственных сербских традиций. Однако тогда не совсем ясно, в чем отличие промежуточного звена, названного Сербско-византийской школой, которая была выделена, возможно, по «остаточному принципу», поскольку типологическое, стилистическое и региональное разнообразие архитектуры этого периода совсем не позволяет выявить здесь какое-либо стилевое единство.

Памятники Моравской школы Г. Милле определяет на основании типологической и стилистической однородности, а также территориальной обособленности. Их главная типологическая особенность – план в виде триконха, существующий в двух основных вариантах: однефного храма (ил. 7а) и четырехстолпного крестовокупольного с отдельно стоящими опорами (ил. 7б). Выделяя эти две разновидности, Милле справедливо связывает одну из них с традициями Рашской школы, другую – с архитектурой сербско-византийского периода. При этом, по мнению ученого, главная особенность моравских церквей – боковые конхи – была заимствована сербами на Афоне. Это заключение автора, не аргументированное никакими доказательствами, для следующих поколений исследователей приобретет характер аксиомы. В отношении происхождения другой отличительной черты моравских храмов – плоскорельефного каменного декора – в позиции Милле меньше определенности. В качестве первоисточников называется Афон, искусство христианского и мусульманского Востока, Русь, Кавказ, отчасти – Западная Европа; в качестве промежуточных звеньев в цепочке предполагаемых влияний – иллюстрированные рукописи и текстиль²⁶. Отдавая дань характерному для первой половины XX века увлечению теориями о распространении всевозможных влияний, ученый все же выявляет и описывает собственно сербские традиции – как в типологии, так и в стиле моравских построек. Он не игнорирует существование связей между тремя выделенными им этапами развития сербской архитектуры, однако предложенная классификация все же в большой степени остается искусственной и механистичной.

Ил. 7а. План церкви Св. Стефана (Лазарица) в Крушевце. 70-е гг. XIV в.

Ил. 7б. План церкви Вознесения монастыря Раваница. Последняя четверть XIV в.

Обращаясь к вопросам хронологии, Моравскую школу Г. Милле рассматривает как явление, принадлежащее ко времени князя Лазаря и деспота Стефана Лазаревича. При отсутствии достоверных письменных источников для датирования большинства построек французский исследователь опирается на изучение динамики архитектурного развития. В этом процессе важное место принадлежит и анализу каменного пластического декора. Милле предлагает схему эволюции от простой резьбы на раннем этапе к роскошным резным украшениям в более поздних постройках, что, как ему видится, свидетельствует в пользу постепенного совершенствования моравских мастеров. Следовательно, хронология становится одновременно и критерием художественной ценности памятников. В результате последовательность возведения храмов определяется на основании выстроенной линии стилового развития моравского зодчества: от Старой церкви на кладбище в Смедерево к Раванице и Лазарице, которая, в свою очередь, рассматривалась как модель для Велучи и Наупары и т. д.²⁷ В данном случае очевидно, что эволюционная гипотеза Милле не работает, так как совсем поздние в действительности

постройки оказались первыми, и наоборот. Подобные ошибки весьма показательны, и проигнорировать их было бы неверно.

В классификации Г. Милле имеются и другие серьезные недостатки. Так, целый ряд моравских триконхов выпадает из общей схемы и выделяется в «группу исключений», поскольку в них отсутствует второй определяющий, согласно Милле, признак школы – специфический декор фасадов. Между тем, в группе исключений оказываются такие особо значимые в историческом, сакральном и художественном плане постройки, как Ресава, Сысоевац, Врачевшица, Павловац, а также многие другие²⁸.

Классификация Г. Милле, несмотря на ее несовершенство, стала решающим событием в области изучения сербских средневековых памятников и в значительной степени повлияла на судьбу сербской науки XX века²⁹. Собранные материалы и примененные французским исследователем научные методы активно использовались сербскими специалистами для дальнейших исследований во второй и третьей четверти XX столетия

* * *

В отношении проблемы Моравской школы серьезную альтернативу взглядам Милле в это время представляют Ж. Татич и М. Васич. Первый из них снова ставит вопрос о более ранней хронологии и истоках Моравской архитектуры³⁰. М. Васич в своей книге «Жича и Лазарица»³¹ попробовал осуществить попытку целостного рассмотрения сербского средневекового зодчества, но на других основаниях, нежели это было предложено французским ученым. Васич рассматривает в связи с культурно-историческими процессами два наиболее ярких памятника начального и заключительного этапа истории сербского средневекового государства, которые, с его точки зрения, должны помочь раскрытию содержания архитектурного развития. Он отрицает всякую возможность применения какой-либо схемы и периодизации в принципе и анализирует искусство как бесконечный ряд явлений, облик которых в каждом случае зависит от множества культурно-политических факторов, предопределяющих неоднородный характер развития и бесконечное многообразие вариантов. Важнейшими факторами, определившими специфику сербской архитектуры, были названы государство и церковь. Следуя этой логике, Васич объясняет своеобразие моравских построек церковно-политической ситуацией эпохи правления князя Лазаря, когда Сербская церковь вновь возвращает себе доминирующее положение, а внутри нее господствует исихастская идеология и ведущую роль играют монастыри.

Критикуя Милле, в том числе за необоснованность предположения об афонском происхождении боковых конх в моравских церквях, Васич предлагает оригинальную альтернативную гипотезу. По его мнению,

боковые конхи впервые появились в Лазарице – небольшой церкви, построенной внутри обнесенного крепостными стенами городища, где зодчим пришлось их добавить для размещения хора. Раньше боковые конхи не были нужны, поскольку в четырехстолпном храме хор можно было размещать в руках креста. Таким образом, Лазарица ставится в начало хронологического ряда моравских построек.

Итак, в первой трети XX века обозначились два принципиально разных подхода к возможности периодизации сербского средневекового искусства. Подход, предложенный Милле, был, безусловно, методологически более разработанным и научно обоснованным, однако грешил механистичностью и эволюционизмом, не учитывавшим региональной специфики. В противовес методу «чистой истории искусства», принимающему в расчет исключительно архитектурные аспекты – типологические и стилистические характеристики, – появилось стремление выявить именно сербскую культурно-историческую специфику, однако в то время это стремление не привело к научно обоснованным результатам.

* * *

В 1930–70-е годы продолжается выявление и раскрытие памятников сербского средневекового зодчества. В эти десятилетия в научный оборот вводятся многие неизвестные ранее памятники (в том числе и небольшие «провинциальные»), уточняются известные ранее факты. По мере возрастания количества новых данных обнаруживается все больше и больше противоречий в схеме Милле, однако она остается общепринятой. По-прежнему сохраняется много неточностей и натяжек, однако в общих обзорных работах по сербской средневековой архитектуре, опубликованных в этот период, в концепции ничего не поменялось. Такие авторы как В. Петкович³², С.М. Ненадович³³, А. Дероко³⁴ продолжают оперировать некоторыми избранными памятниками, которые тасуются в разных комбинациях.

Дж. Бошкович, занимавшийся натурным обследованием и реставрацией десятков средневековых храмов, сыграл большую роль в распространении и утверждении концепции Милле, которую он положил в основу написанной им книги и соответствующего раздела в изданной в СССР «Всеобщей истории архитектуры»³⁵. На примере нескольких моравских храмов он показывает разнообразие стилистики, типологии, техники, конструкции и декора, большое количество датировок дает под знаком вопроса, однако в целом в концепции Милле ничего не меняет. Та же периодизация сербского зодчества и то же определение «Моравской школы» без критического рассмотрения и на примере лишь нескольких наиболее ярких образцов входят в обзорные работы по византийской архитектуре, написанные в 1960–70-е годы Р. Краутхаймером³⁶ и С. Манго³⁷.

После Второй мировой войны появляются первые попытки принципиально скорректировать хронологию моравских храмов, объяснить

их стилистическое и типологическое разнообразие и найти истоки главной объединяющей их особенности – трехконховой плановой схемы. Дж. Стричевич пытается не только связать моравские памятники с общим историко-культурным контекстом, но и выявить их связи с конкретными фактами общественно-политической и церковной жизни, с особенностями богослужения. Именно такими факторами он объясняет наличие двух типов планов в рамках моравской школы: однонефные храмы, по его мнению, были придворными задужбинами, а четырехстолпные – монастырскими³⁸. Однако в 1950-е годы не было возможности подтвердить эту в целом небезосновательную гипотезу, и она не получила признания. Условия заказа и первоначальное назначение многих построек до сих пор представляют собой не менее важную проблему, чем их хронология. Боковые конхи моравских храмов Стричевич традиционно связывал с Афоном. Не довольствуясь голословным утверждением, он стремился выявить причины и механизмы заимствования этой схемы, которые опять-таки искал в фактах церковно-политической истории. В качестве возможного посредника в перенесении трехконхового плана с Афона на сербские территории Стричевич называет старца Исайю, а первые моравские постройки он связывает с македонскими триконхами – церковью Свв. Архангелов в Кучевиште и храмом в Рджавце, что дает возможность более ранней датировки первых моравских памятников серединой и третьей четвертью XIV века. Таким образом, Стричевич первым ставит такие важнейшие проблемы, как хронология моравских построек, а также территориальная связанность и последовательность процессов, протекавших на македонских и моравских территориях.

Мнение Стричевича о сложении моравского типа храма и возможности ранних датировок не было принято Б. Вуловичем, автором другого важного исследования 1950-х годов. В своей монографии «Раваница»³⁹, которая была написана после масштабных реставрационных работ, он впервые предлагает именно эту задужбину князя Лазаря поставить в начало хронологии моравских памятников. По мнению Вуловича, главным условием формирования оригинальных решений моравских церквей становится благоприятность политических, идеологических, экономических факторов в эпоху правления князя Лазаря. Наличие давних и тесных связей Сербии и Афона и особенно примирение Сербской патриархии с Константинопольской, произошедшее в 1370-е годы при Лазаре, автор считает достаточными аргументами для подтверждения версии об афонском происхождении боковых конх. Он предполагает, что сербы ориентировались, прежде всего, на кафоликон своего монастыря Хиландара, возведенный кралем Милутиным в первой четверти XIV века, формы которого были результатом творческого осмысления лучших образцов крестово-купольных пятиглавых построек той же эпохи (Богородица Левишка, Старо-Нагоричино, Грачаница)⁴⁰. Это дало в результате новый тип храма, примером которого стала Раваница.

Б. Вулович внес большой вклад в исследование другой важнейшей особенности моравских храмов – декора. Эта особенность была выделена еще исследователями конца XIX – начала XX века. В то время рельефный и полихромный декор фасадов моравских храмов, как правило, считали результатом внешних влияний, причем предлагались самые разные источники: хорватское и Зетское Приморье, Западная Европа, Византия, Афон, Армения, Грузия, христианский и мусульманский Восток, даже Древняя Русь. Б. Вулович отметил, что такие выводы в большинстве случаев делались без подробного изучения как особенностей самой каменной пластики, так и процессов внутри сербской художественной среды. Он предложил рассматривать декоративные программы фасадов моравских храмов в связи с характером объемно-пространственных и конструктивных решений в сербской архитектуре того времени⁴¹. С его точки зрения, декор моравских храмов – не результат эклектичного заимствования разнородных элементов, а своеобразный вариант воплощения общих для поздневизантийского искусства тенденций. Позднее Йованка Максимович⁴² и Надежда Катанич⁴³ обобщили мнения предшественников и показали все сложность изучения данного вопроса, по которому так и не было выработано единого мнения.

Как и Дж. Стричевич, Б. Вулович видел проблематичность существующей общей периодизации сербского средневекового зодчества, которая стала особенно очевидной после реставрационного раскрытия памятников, выявления многочисленных новых построек, уточнения обстоятельств их возведения. Очень многие факты уже никак не вписывались в старые схемы. Вместо территориального и хронологического принципов, положенных в основу периодизации Милле, Вулович предложил рассматривать крупные взаимосвязанные историко-культурные периоды и говорил о влиянии экономических и политических факторов на искусство этих периодов. Термин «Моравская школа» он заменил описательными наименованиями, такими, как «моравская группа памятников» или «архитектура времени князя Лазаря и его наследников». Однако в трудах Вуловича отход от западноевропейской «универсальной» стилиевой классификации в сторону изучения специфики региональных направлений был только намечен.

* * *

Важнейший вклад в изучение моравских храмов внес выдающийся исследователь сербской и византийской архитектуры В. Корач⁴⁴. С его точки зрения, «Моравская школа» – понятие очень условное, поскольку свое идеальное воплощение оно нашло всего в нескольких задужбинах князя Лазаря, и в каждом случае – в разных вариантах. В целом, безусловно, это яркое и оригинальное направление в архитектуре, которое отличают конкретные параметры: план, объемно-пространственные композиции, конструкция, техника возведения, пластический и полихромный декор.

Главное отличие храмов Моравской школы – характерный трехконховый план в сжатом или развитом (с четырьмя опорами) варианте, соединенный с византийским типом купольного храма. Все остальные черты, включая и плоскорельефный декор (которого, как подчеркивает Корач, в большинстве моравских построек все же нет), имеют византийское происхождение. Эти черты сочетаются в разных комбинациях, так что между памятниками много существенных различий. Это многообразие вариантов не вписывается в идеальную схему Милле. Корач приходит к выводу, что архитектура эпохи князя Лазаря и его наследников отличается от зодчества прошлых десятилетий, с которыми она неразрывно связана, распространением некоторых новейших тенденций, характерных для поздневизантийской эпохи вообще. От собственно византийской архитектуры позднепалеологовского периода Моравскую школу отличает лишь большая свобода творчества местных сербских мастеров, особенно ярко проявившаяся в декоре храмов и в способах вертикальной организации их композиции, к которой были добавлены заимствованные на Афоне боковые конхи. Последнее утверждение вводится Корачем без каких-либо доказательств, просто на основании устойчивости применения боковых конх на Афоне и в Моравской Сербии. Сербскую архитектуру конца XIV – первой половины XV века Корач считает одним из региональных вариантов позднепалеологовской традиции и рассматривает ее наравне с архитектурой Мистры, Несебра и др.

К 1990-м годам в изучении моравских церквей наступает кризис. Использование введенного Г. Милле термина «Моравская школа» как относящегося к некой стилистически единой и обособленной группе памятников, хронологически и территориально ограниченной, входит в противоречие с результатами многолетних исследований. Внимательное изучение археологических и исторических аспектов позволило увеличить число памятников, принадлежащих к последнему периоду развития сербской архитектуры, что обнаружилось уже в исследованиях В. Петковича⁴⁵, Дж. Бошковича⁴⁶, С. Ненадовича⁴⁷, А. Дероко⁴⁸. Выявленные и описанные В. Корачем и другими учеными многообразные варианты воплощения идеальной моравской схемы (ил. 8, 9), или, точнее, отступления от нее (вплоть до храмов без боковых конх⁴⁹) (ил. 10) сделали совершенно очевидным отсутствие стилового единства. Ответ на вопрос об истоках этого регионального направления так и не был дан, хотя его связь с предшествующими традициями теперь уже не вызывает сомнений. Это, в свою очередь, вело к размыванию хронологических границ и требовало пересмотра датировок многих памятников.

* * *

Решить накопившиеся в изучении моравской архитектуры проблемы попытался В. Ристич, автор первой и пока единственной монографии по этой теме⁵⁰. Он соглашается с Вуловичем и Корачем в том, что

*Ил. 8. Церковь Преображения монастыря Сысоевац. Последняя четверть XIV в.
Фото автора*

наиболее полно моравский стиль проявляет себя в Лазарице и Раванице. Однако если Вулович и Ристич ставили эти памятники в начало ряда моравских построек, то, по мнению Ристича, им должен был предшествовать некий путь развития. Ристич категорически отрицает возможность влияния на моравское зодчество современной ему архитектуры Византии, Приморья и Запада. Точно так же, без сомнений и доказательств, он пытается узаконить ранние датировки некоторых моравских построек, предложенные предшественниками, особенно Стричевичем. По мнению Ристича, в течение длительного времени на архитектуру косовско-метохийских и македонских областей влияли афонские традиции, что привело к появлению там триконхов уже в 1320–30-е годы (Хрельев Пирг, Рджавац, церковь Свв. Архангелов в Кучевиште). Их он обозначает как «протоморавские» и считает прототипами вариантов позднейших моравских храмов (четырёхстолпный, однонефный и упрощенный). С точки зрения Ристича, нужно отказаться от термина «Моравская школа» и заменить его на три других, соответствующих предлагаемой им новой периодизации. Триконхи 1320–50-х годов, находящиеся не на моравских территориях, он предлагает называть «предморавскими». Затем выделяется группа «ранних моравских триконхов», находящихся на моравских территориях и относимых Ристичем к периоду между 1350 и 1389 годами. Наконец, архитектуру 1389–1459 годов он предлагает на-

*Ил. 9. Церковь Введения Богородицы монастыря Горняк. Последняя четверть XIV в.
Фото автора*

зывать «позднеморавской» и рассматривать каждую область по отдельности. Таким образом, Ристич пересматривает терминологию, хронологию и саму структуру старой периодизации и классификации, разводя понятия «моравский период» и «моравские территории».

Однако, к сожалению, не все гипотезы и логические построения Ристича аргументированы и убедительны. Следующим шагом и, на самом деле, главной задачей его работы становится попытка выстраивания хронологического ряда памятников – попытка утопическая, ввиду отсутствия объективной возможности уточнить датировки многих из них. Подобно Милле, Ристич видит архитектурное развитие как эволюцию стилевых признаков. В качестве основного критерия для построения своей эволюционно-хронологической линии он выбирает коэффициент соотношения длины и ширины наоса храма (т. е. вытянутость по оси восток-запад), который, по мнению исследователя, постепенно возрастает от более ранних к более поздним постройкам. Возможность существования такой закономерности ничем не подтверждается.

Несмотря на необоснованность новой эволюционной теории, опору на непроверенные факты и недостаточную аргументированность выдвигаемых гипотез, работа Ристича все же стала важным вкладом в изучение моравской архитектуры. Он собрал и обобщил весь опыт предшественников, составил последний и самый полный каталог морав-

ских храмов (их насчитывается 88) с исчерпывающей библиографией и предложил пересмотреть многие вопросы, без решения которых исследование моравской архитектуры не может двигаться дальше. Такие позиции Ристича, как отказ от понятия «школа» и необходимость расширения хронологических границ моравской архитектуры, могут быть приняты. Если он и не дал удовлетворительных ответов на все поставленные вопросы, то это должно быть сделано в будущем. Прежде всего, интересная гипотеза Ристича о сложении типа триконха еще в имперский период на македонских и косовско-метохийских территориях требует подтверждения через углубленное исследование архитектурного и историко-культурного контекстов.

Однако комплексных исследований, могущих представить альтернативу работе Ристича, до сих пор не появилось. Вышло несколько монографий и статей о моравском зодчестве, среди которых следует выделить работы И. Стевовича: монографию о Калениче и статью «Архитектура Моравской Сербии: локальная архитектурная школа или эпилог основных течений поздневизантийского зодчества»⁵¹. В них подвергаются критике и явно устаревшая искусственная периодизация Милле, и новейшая эволюционная схема Ристича, основанная на непроверенных данных. И. Стевович считает, что понятие «школы» неприменимо к сербскому зодчеству и вообще выступает против всяких жестких схем. Своей главной задачей он считает показать византийское происхождение всей сербской архитектуры от начала XIV века и до конца моравского периода. Стевович предлагает вернуться к концепции Корача, дающей такое удобное определение моравской архитектуре, которое освобождает от границ стилиевой условности и позволяет объяснить отдельные элементы моравских построек многообразием поздневизантийского арсенала архитектурных форм и средств, а общие процессы – широкими рамками эклектичной логики, где им всегда отыщется место наравне с другими региональными вариантами, такими как архитектура Мистры, Эпира, Несебра, Салоник и даже увядающего Константинополя.

На данный момент стало ясно, что в качестве определения последнего периода развития сербского зодчества термин «Моравская школа» едва ли однозначен и применим, поскольку среди памятников этой эпохи нет четкого стилиевого единства, а об условиях их возведения и мастерах практически ничего не известно. Датировки памятников моравской архитектуры, ее периодизация, истоки основных архитектурных особенностей, причины появления триконха, характер связей с архитектурой предшествующих периодов – все эти проблемы получили различные интерпретации гипотетического характера. Однако почти все они остаются непроясненными до сих пор и требуют разностороннего комплексного исследования.

Ил. 10. Церковь Св. Стефана монастыря Копорин. Первая четверть XV в. Фото автора

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Millet G. L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919. P. 49 и далее.
- 2 Вуловић Б. Раваница: њено место и њена улога у сакралној архитектури Поморавља // Саопштења VII. Београд, 1966. С. 11–14.
- 3 Кораћ В; Шупут М. Архитектура византијског света. Београд, 2005. С. 357.
- 4 Михалчић Р. Кнез Лазар и обнова Српске државе // О кнезу Лазару: научни скуп у Крушевцу 1971. Београд, 1975. С. 1–11; он же. Лазар Хребельановић: историја, култ, предање. Београд, 1989.
- 5 Новаковић С. Васкрс државе српске. Београд, 1954 (репринт изданија 1909 г.). С. 70–71, 83–85, 93; Кадијевић А. Један век тражења националног стила у српској архитектури (средина XIX – средина XX века). Београд, 1997; Белов М.В. У истоков сербској националној идеологији: механизми формирања и специфика развоја (конец XVIII – средина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
- 6 См., например: Караџић В.С. Географическо-статистическо описаније Србије. Београд, 1826–1828; Јоакима Вујича, славно-сербског списатеља Путешествије по Србији во кратце сопственном руком његовом списано у Крагујевцу у Србији.

- Будим Град, 1828; Магарашевић Ђ. Путовање по Србији у 1827 години. Београд, 1983; Пирх О.Д. Путовање по Србији у години 1829. Београд, 1983; Шафарик Ј. Извјестје о путовању по Србији 1846 године / Ред. Љ. Дурковић-Јакшић, М.Ж. Николић. Ваљево, 1993. См. такође обзорну радњу: Медаковић Д. Прва испитивања старина у Србији // Истраживачи српских старина. Београд, 1985. С. 154–157.
- 7 Mertens F. Etwas über Serbien. Berlin, 1847; Богдановић С. Франц Мертенс и српска средњовековна архитектура // Зборник за ликовне уметности. Т. 15. Нови Сад, 1979. С. 207–228.
  - 8 Förster L. Die Baukunst der Kirchen und Klöster im Orient: Allgemeine Bauzeitung. Bd. 22. Wien, 1857.
  - 9 Јовановић М. Аустријски архитекта Лудвиг Ферстер као писац о византијским и српским црквама // Саопштења. Т. XVII. Београд, 1985. С. 213–218.
  - 10 Kanitz F. Serbiens Byzantinische Monumente. Wien, 1862; см. такође: Idem. Serbien. Wien, 1868.
  - 11 Kanitz F. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Land und Bevölkerung. Leipzig, 1909.
  - 12 Каниц Ф. Србија. Земља и становништво. Т. I. Београд, 1985. С. 627–632.
  - 13 Медаковић Д. Историзам у српској уметности // Истраживачи српских старина. С. 17–19.
  - 14 Ђирковић С., Михаљчић Р. Енциклопедија српске историографије. Београд, 1997. С. 297.
  - 15 Там же. С. 511.
  - 16 Богдановић С. Михаило Валтровић и Драгутин Милутиновић као истраживачи српских старина // Излози Српског ученог друштва. Београд, 1978. С. 29–36; Мишковић-Прелевић Љ. Каталог цртежа Михаила Валтровића и Драгутина Милутиновића у Историјском музеју Србије // Там же. С. 123–124.
  - 17 Валтровић М. Поглед на стару српску црквену архитектуру // Глас Српске краљевске академије XVII. Београд, 1889. С. 4; Радојчић С. Проблем целине у историји старе српске уметности // Одабрани чланци и студије 1933–1978. Београд, 1982. С. 76.
  - 18 Waltrowits M., Prodromos O. Mitteilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst. Wien, 1878. С. 16–29; Валтровић М. Поглед на стару српску црквену архитектуру. С. 3–39.
  - 19 Валтровић М. Каленић // Старинар I (Ч. 2). Београд, 1907. С. 33–43.
  - 20 Ђурић С. Љубостиња. Београд, 1985. С. 25–26.
  - 21 Милутиновић Д. Кратка расправа при отварању петог излога снимака архитектоних, живописних и скулптурних 14 Маја 1878 године // Гласник Српског ученог друштва XLVII. Београд, 1879. С. 256.
  - 22 Сами аутори разумели, што предложенији ими обзор древнеј сербској црквеној архитектури не полон. См.: Валтровић М. Поглед на стару српску црквену архитектуру. С. 3–39.
  - 23 Стевановић А. Стара Српска црквена архитектура и њен значај // Српски књижевни гласник IX. Београд, 1903. Ч. I. С. 514–522; Ч. II. С. 47–54; Ч. III.

- С. 123–133; Ч. IV. С. 213–225; Ч. V. С. 295–303; Ч. VI. С. 445–455.
- 24 Покрышкин П.П. Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском Королевстве. СПб., 1906. С. 6, 59–73.
- 25 Millet G. Le École grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916. P. 152–158; Idem. L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919.
- 26 Ibid. P. 150–153, 158–159, 181–191, 198.
- 27 Ibid. P. 152–191.
- 28 Ibid. P. 191–198.
- 29 Бошковић Ђ. Габријел Мије и српски средњовековни споменици // Српски књижевни гласник. Н. с. 46. Бр. 6. Београд, 1935. С. 475–477; Ђирковић С., Михалчић Р. Енциклопедија српске историографије. С. 496.
- 30 Татић Ж. Трагом велике прошлости: Светогорска писма и монографске студије старе српске архитектуре. Београд, 1929. С. 175–189.
- 31 Васић М.М. Жича и Лазарица. Студије из српске уметности средњег века. Београд, 1928.
- 32 Петковић В. Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950.
- 33 Ненадовић С.М. Архитектура у Југославији од IX–XVIII века. Београд, 1980. С. 157–189.
- 34 Дероко А. Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1985. С. 175–239.
- 35 Бошковић Д. Архитектура Србије и Македоније // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.-М., 1966. С. 418–464.
- 36 Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965. P. 300–304.
- 37 Mango C. Byzantine Architecture. New York, 1976 (первое издание: Milano, 1974). P. 308–323.
- 38 Стричевић Ђ. Два варијетета плана цркава Моравске архитектонске школе // Зборник радова Византолошког института 3. Београд, 1955. С. 213–219.
- 39 Вуловић Б. Раваница: њено место и њена улога у сакралној архитектури Поморавља.
- 40 Вуловић Б. Учешће Хиландара и српске традиције у формирању моравског стила // Моравска школа и њено доба: научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972. С. 169–178.
- 41 Там же. С. 92, 95; Вуловић Б. Архитектура Раванице // Манастир Раваница: споменица о шестој стогодишњици. Београд, 1997. С. 25–26.
- 42 Максимовић Ј. Српска средњовековна скулптура. Нови Сад, 1971. С. 117–152; Она же. Моравска скулптура // Моравска школа и њено доба: научни скуп у Ресави 1968. С. 181–188.
- 43 Катанић Н. Декоративна камена пластика моравске школе. Београд, 1988.
- 44 Кораћ В. Les origines de l'école de la Morava // Моравска школа и њено доба: научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972. С. 157–168; Кораћ В. Извори Моравске архитектуре // он же. Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 131–144; он же. Монументална архитектура у Византије

- и Србији у последњем веку Византије. Особенна обрада фасадних површина // Зборник радова Византолошког института XLIII (43). Београд, 2006. С. 209–213.
- 45 Петковић В. Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950.
- 46 Бошковић Ђ. Основи средњеveковне архитектуре. Београд, 1947. С. 211–214.
- 47 Ненадовић С. Архитектура у Југославији од IX–XVIII века. Београд, 1980. С. 157–189.
- 48 Дероко А. Монументална и декоративна архитектура у средњеveковној Србији. С. 177–179. Число Моравских споменика у А. Дероко увеличиле после до-
бављених скадарских споменика и Добруна. Это изменило и територијалне
границе Моравске школе.
- 49 Радуловић Е. Скупина моравских споменика без бочних конхи // Крушевачки
зборник IV. Крушевац, 1989. С. 47–76.
- 50 Ристић В. Моравска архитектура. Крушевац, 1996.
- 51 Стевовић И. Каленић: Богородичина црква у архитектури позновизантијског
света. Београд, 2006; он же. Архитектура Моравске Србије: локална Градатељска
школа или епилог водећих токова позновизантијског градатељског стварања // Зборник радова Византолошког института XLIII (43). Београд, 2006. С. 231–241.